

Становление польского модернистского романа: компаративистский аспект (к постановке проблемы)

Выявление специфики эволюции польского романа — одна из актуальных задач современных литературоведческих исследований. В литературоведении Польши обозначены главные вехи развития данного жанра, определена и формула его классического типа. Зрелый польский роман XIX в. исследователи ставят в единый типологический ряд с европейской разновидностью этого жанра — романом викторианской эпохи ([1]; 119).

В литературных связях Польши и Западной Европы конца XIX столетия наблюдаются качественные перемены, выражающиеся в оживлении и открытости восприятия зарубежного художественного опыта [2]. Пятая часть издаваемой на польских землях художественной литературы складывалась из переводов. Именно роман доминирует в переводах из английской литературы. Был популярен Ч. Диккенс, издавались произведения У. Теккерея, Т. Гарди, Г. Уэллса. Органически вписывается в атмосферу польского модернизма проза О. Уайльда.

Связи польской литературы с культурой Франции опирались на многовековую традицию рецепции. Достоянием польского читателя становятся романы Г. Флобера, П. Бурже, А. Жида. Популярности французского романа в Польше способствовала дискуссия, вызванная критической публикацией Г. Сенкевича о натурализме Э. Золя («О натурализме в романе», 1881). Становится очевидным влияние французского натурализма на творчество польских писателей, в частности, А. Грушецкого и А. Дыгасиньского.

По количеству переводов в Польше рубежа веков лидировала немецкая литература. На польский язык были переведены все произведения Ф. Ницше. Литература Скандинавии обрела свое признание в Западной Европе и Польше одновременно. В польскую культурную среду интегрировалось творческое наследие Г. Ибсена, Ю.А. Стриндберга, У. Хансона, К. Гамсуна.

Однако в рецепции литературы Западной Европы в Польше наблюдались и негативные тенденции, которые тормозили процесс межнациональной межлитературной коммуникации. Резкое возрастание коли-

чества переводов не всегда сопровождалось их высоким качеством. Некоторые из них, в частности переводы произведений французской литературы, осуществлялись с готового «русского образца». Польская литературная критика, обращенная к культурным ценностям Западной Европы того времени, лишь только складывалась на рубеже веков. Все это осложняло процесс перцепции — творческого усвоения импульсов, ведущего к преемственности художественных достижений.

Иначе выглядела картина восприятия русской литературы. Польско-русские литературные связи рубежа столетий опирались на давно сложившиеся «встречные течения». Широкому распространению русской классики способствовало то, что в Королевстве Польском она читалась в оригинале. Исследования показывают, что наиболее значимой для обновлявшегося польского искусства становится поэтика Ф. Достоевского.

Сопшемся на суждения критиков того времени. Теоретик польского модернизма И. Матушевский подчеркивал: «Русская литература выдвинула две личности, которые, хотя и были далеки от модернизма, но все же оказали опосредованное, однако очень значимое влияние на характер современного творчества. Мы имеем в виду Толстого и прежде всего Достоевского. Его психологический анализ поражает демоническим пророчеством, вызывает в читателе чувство мистического ужаса. Под влиянием Достоевского значительно модернизировался выросший на натуралистической почве психологический роман... Достоевский, благодаря умению, с которым он отображал психологические состояния и типы, усилил существовавшую у писателей склонность к анализу исключительных и патологических состояний человеческой души» ([3]; 59).

Достоевский начинает оцениваться в Польше в сложной перспективе двадцатого столетия. Известный театральный и литературный критик А. Гжимала-Седлецкий писал: «Автор “Братьев Карамазовых”, недосягаемый создатель “психологического мрака”, все более ощутимым бременем ложится на художественный тип мышления современного поколения Европы» ([4]; 4).

Роман Болеслава Пруса «Кукла» (1890) традиционно рассматривался как книга, дающая наиболее полное представление о польском реализме в его классических формах. Довольно прозрачен «европейский контекст» данного произведения. «Кукла» сопоставлялась с романом Золя ([5]; 45—55) и Бальзака ([6]; 485, 496). Что касается русской литературы, то достаточно выразительными представляются связи «Куклы» и поэтики Достоевского в глубинной структуре прусовского романа, его частичной полифонизации [7]. Как ни парадоксально, но именно

прочтение романа Пруса в свете поэтики автора «Преступления и наказания» выявляет «модернистскую стратегию» «Куклы».

Актуализирует проблему и то, что мало еще исследованы высказывания Пруса об экспериментальном искусстве, о котором он отзывался так: «Модернизм: дух и мир духа, небо, ад, чистилище, жизнь души, различные легенды. Что человек чувствовал, чего желал, о чем мечтал, почему страдал — все это представлено в очень живой и пластической форме» ([8]; 105). Многие собственные установки Пруса охвачены именно модернистской стихией: «Композиция. На фоне архитектуры (природа, здания), обозначенной орнаментом (особые знаки, индивидуальные черты), введенной в живопись (краски, светотень, блеск) и оживленной природным движением (течение вод, движение атмосферы), развертываются драмы, насыщенные поэзией, воплощенной в резьбу... Движения согласуются с музыкой (такт, ритм, мелодия, гармония)» ([8]; 108).

Исходным пунктом творчества Достоевского было положение об изначальной противоречивости человеческого духа. Определяющей особенностью его «фангастического реализма» стало представление жизненных ситуаций через исключительное и необычайное. В «Кукле» Прус также стремится запечатлеть мир со стороны его парадоксальности, что вело к расширению границ психологического анализа. Однако на месте правдоподобия близких Достоевскому художественных и психологических ситуаций в прусовском романе обнаруживается иное эстетическое решение (к примеру, возведение в абсолюта алогичности действий и поступков главного персонажа — Вокульского). Следы модернизма обнаруживаются и в использовании различного рода символики. Время выхода романа в свет (1890) акцентирует внимание на принципиальных изменениях в поэтике классического романа Польши: 1890 год — условная точка отсчета «Молодой Польши», литературы польского модернизма.

В становлении польского модернистского романа можно обозначить определяющие модели. Первая из них связана с творческим наследием Стефана Жеромского. Черты обновленной поэтики отчетливо видны в его романах «Бездомные», «Пепел», «История греха», «Краса жизни». В структуру данных произведений включается импрессионистское начало. Архитектоника романов тяготеет к открытой композиции, сводящейся к автономному соединению сцен и эпизодов, параллельному развитию множества мотивов, интравертно разрушающих каноны реалистической прозы [9].

В романах Жеромского определяющим является эмоционально-психологическое начало, главенствует «*paysage mental*» с заимствованным из лирики рубежа столетий метафорическим способом выражения

состояния души. Поэтика романов Жеромского органически вмещает две взаимоотражающие друг друга линии — модернистскую и реалистическую. Реализм романов проявился в интересе к социальным проблемам, в продолжении прусовских традиций со схожим эстетическим наполнением.

Опираясь на публицистику и «Дневники» Жеромского, можно судить о том, что в литературе Западной Европы писатель ценит Золя, Бурже, Мопассана, Стендаля, однако особенно близок ему Диккенс. Представляется, что возможны типологические параллели между произведениями Жеромского и современным ему западноевропейским романом. Польский исследователь Я.З. Якубовский отмечает: «Жеромский наделяет своих персонажей индивидуальными чертами, много черпает из опыта реалистической прозы XIX в., его произведения содержат огромные знания о польской жизни, культуре, обычаях. Но по своей основной структуре они более всего близки не книгам Бальзака, Золя или Пруса, а известным романам XX века, произведениям, подобным романам Конрада, насыщенным прежде всего размышлениями о смысле человеческой судьбы, где герои, как в «Волшебной горе» Томаса Манна, охвачены страстью интеллектуальных дискуссий» ([10]; 301).

В компаративистском контексте наследия Жеромского, «наиболее русского из всех больших польских писателей», как охарактеризовал его бельгийский полонист Клод Баквис ([11]; 332), центральное место, наряду с произведениями И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого, занимает именно роман Достоевского.

Контактно-генетические связи и типологические параллели прозы Жеромского и Достоевского составляют довольно сложное образование: расчленение двух линий, обозначающих доминантные компаративистские категории, оказывается возможным лишь при теоретических отвлечениях. В «Дневниках» Жеромского находим и такую запись: «Соперничаю с Диккенсом и Достоевским» ([12]; 202). Следы конкретных влияний в структуре романов польского писателя трудно распознать. Взаимоперекрещивание контактных связей и типологических аналогий составило т.н. филиацию. Воздействие автора «Бесов» на Жеромского привело к перцепции в ее законченных формах. Поэтика романов Жеромского имеет разветвленную полифоническую структуру. Писатель вводит новый для польской литературы тип персонажа, являющегося носителем «бездны», характер которого может быть выявлен через антиномию добра и зла; автор исследует «подполье» сознания героя.

Контрастной по отношению к творчеству Жеромского следует назвать модель романа рубежа XIX—XX вв., инспирированную твор-

чеством «короля польских модернистов» Станислава Пшибышевского. Пшибышевский ориентируется на современное ему экспериментальное искусство Запада. Романы и драматургия писателя оригинально вписываются в компаративистскую плоскость, обозначаемую именами Ю.А. Стриндберга, М. Метерлинка, У. Хансона, Г. Ибсена, Ж.К. Гюисманса, Э. По и др.

Перцепция наследия Достоевского в поэтике Пшибышевского является типическим образцом его субъективного модернистского восприятия. Сопоставление романов русского писателя с такими произведениями Пшибышевского, как «Дети Сатаны», «Homo sapiens», «Сыновья земли», показывает, что их поэтика входит в различные аксиологические системы. В художественном мире Достоевского важны четкость архитектурных контуров художественного произведения, установка на достоверность в понимании человека, интерпретация экзистенциальных проблем через постижение индивидуальности, отвращение ко злу и стремление познать его природу. В творчестве Пшибышевского актуальны трактовка человеческого существования через примат биологического эротизма, «очарованность сатаной» и обоснование обладающей притягательностью философии зла.

По признаниям современников, одна из заслуг Пшибышевского состояла «в европеизации польской литературы, закреплении в ней двух секретных ингредиентов: тайны и греха» ([13]; 107). Рассмотрение наследия Пшибышевского в контексте эстетики западноевропейского искусства позволяет заключить, что лучшим в его творчестве романом является «Крик», книга, где художественно запечатлены экспрессионистские опыты писателя. Названный роман интертекстуален, ибо диалогичен по отношению к творчеству норвежского писателя А. Мунка, близкого друга Пшибышевского.

Изучение поэтики Пшибышевского в компаративистском ключе открывает новый аспект исследования — влияние «Детей Сатаны» на зарубежную литературу. Следы влияния Пшибышевского очевидны в романе М. Арцыбашева «Санин», «Четвертой симфонии» А. Белого, рассказах В. Брюсова и др. ([14], [15], [16]).

Модель польского модернистского экспериментального романа реализуется в творчестве Вацлава Берента и Кароля Ижиковского. Именно эксперимент Берента над словом позволил закрепить в романах «Гнилье» и «Озимь» полифонический стержень без какого-либо влияния Достоевского. Диалоги романов Берента окрашены в барочно-экспрессионистскую тональность. Увлеченность писателя экспериментом превратила в самоцель языковое оформление произведения, привела не

только к барочности, но и «византизму». Данный эстетический срез содержательно разводит поэтики Достоевского и Берента в художественном плане.

Одним из наиболее оригинальных произведений польской прозы рубежа веков является роман Ижиковского «Pałuba»¹. Автор отбрасывает модель романа Жеромского, построенного на лирическом выражении эмоционального состояния персонажа. Эмоциональной стихии противопоставляется интеллектуальное начало. Диалог в романе функционирует как средство т.н. «разоблачения» различного рода «увертки». Нововведенная «техника разоблачения» обнажает правдивое намерение разговаривающего. Авторское лицо включено в текст в роли аниматора отображаемой действительности. Один из повествователей создает вымысел-иллюзию; другой, выступающий от первого лица, настойчиво ее разрушает ([17]; 192).

Польский модернистский роман, в поэтике которого отчетливо вычленяется несколько моделей, в самом процессе своего формирования был ориентирован на достижения (открытия) в данной жанровой форме Достоевского, с одной стороны, и усвоение художественного опыта, исходящего от литературы (искусства) Западной Европы, с другой. Зрелый польский модернистский роман в отдельных своих разновидностях оказывает влияние на зарубежную литературу, предвосхищает эволюцию данного жанра в Европе.

Целью компаративистских исследований польского романа рубежа XIX—XX вв. должен стать поиск новых контекстов сопоставления, в том числе и на уровне интертекстуальном, с учетом архитекстуального аспекта, своеобразной закодированности в эволюции форм и элементов поэтики, свойственной европейской разновидности данного жанра. За границами наших наблюдений остались многие произведения романного жанра: «Мужики» В.С. Реймонта, романы Т. Мициньского, В. Оркана и др. Они также должны найти свое место в системе, которая не является жесткой. Возможно обнаружение новых моделей.

¹ Даем оригинальное название романа в силу трудностей перевода заглавия произведения, отсутствия его семантического эквивалента в русском языке. Конкретное значение слова «pałuba» расшифровано в самом повествовании как: манекен, прозвище неприятных женщин — так назван в романе конкретный персонаж. Метафорическое значение слова в следующем: «палубичность» прозы Ижиковского, «палубичность» как индивидуальный стиль и термин, приоткрывающий новаторство поэтики писателя.

LITERATURA

1. Markiewicz H. Literatura pozytywizmu. Warszawa, 1986.
2. Krajewska W. Recepcja literatury angielskiej w Polsce w okresie modernizmu (1887–1918). Warszawa, 1972; Markiewicz H. Polsko-francuskie związki literackie. Warszawa, 1986; Obrączka P. Literatura niemiecka w czasopiśmie polskich końca XIX wieku. Warszawa, 1983.
3. Matuszewski I. Studia o Wyspiańskim. Warszawa, 1916.
4. Grzymała-Siedlecki A. Przedmowa // Dostojewski T. Białe noce. Cicha. Przykra anegdota. Lwów-Kraków, 1902.
5. Kulczycka-Saloni J. Dwie powieści kupieckie: „Au bonheur des dames” Emila Zoli i ‘Lalka’ Bolesława Prusa // Przegląd Humanistyczny, 1963.
6. Strzałkowa M. Z zagadnień porównawczych: Prus i Balzac // Księga pamiątkowa ku czci Stanisława Pigonia. Kraków, 1961.
7. Przybyła Z. ‘Lalka’ Bolesława Prusa. Rzeszów, 1995.
8. Цит. по: Melkowski S. Poglądy estetyczne i działalność krytycznoliteracka Bolesława Prusa. Warszawa, 1963.
9. Makowiecki A.Z. Wokół modernizmu. Warszawa, 1985.
10. Jakubowski J.Z. Trwałe przymierza. Warszawa, 1988.
11. Bacvis K. Żeromski S. Kalendarz życia i twórczości. Oprac. S. Kasztelewicz i S. Eile. Kraków, 1961.
12. Żeromski S. Dzienniki // Żeromski S. Dzieła. Warszawa, 1956—1970. T.3.
13. Iżykowski K. Pierwszy bilans Przybyszewskiego i jego rehabilitacja // Wiadomości Literackie. № 1. 1926.
14. Zieliński J. Wpływ Przybyszewskiego na rosyjską powieść modernistyczną // S. Przybyszewski. W 50-lecie zgonu pisarza. Wrocław, 1982.
15. Цыбенко Е.З. Станислав Пшибышевский и русская модернистская проза // Studia Polonica. М., 1992.
16. Цыбенко Е.З. Взаимосвязи польской и русской модернистской прозы рубежа XIX—XX вв. // Научные доклады филологического факультета МГУ. Выпуск 1. М., 1996.
17. Podraza-Kwiatkowska M. Literatura Młodej Polski. Warszawa, 1992.

**The Making of the Polish Modernist Novel:
the Comparative Aspect (an Approach to the Problem)**

The article treats the main aspects of the development of the Polish modernist novel. It reveals some significant models of the modernist novel that are related to the works of Żeromski, Przybyszewski, Berent, and Iżykowski. The contexts of Russian and West European literatures have been investigated. There appears a dominant relationship between Polish literary tradition, Russian and that of Western Europe. Thus, it presents a perspective for the analysis of the raised problem.